

Вик обернулся и выстрелил на этот напугавший его снова звук.

Луч вырвавшийся из К-229, ударился о дверь открытой каюты Лаки и Кармелы. И сделав рикошет, ударился в иллюминатор «Зенобии», проделав там маленькую несквозную дырку и трещины. Стекло было толстым и из кварца. И выдержало этот прямой удар лазерного тонкого, как игла луча.

Вик отскочил спиной к бортовому коридорному покрытому трещинами, только что поврежденному им самим иллюминатору, прижавшись спиной к борту яхты.

Он пошел медленно боком, прижимаясь, и чувствуя дрожащей и вспотевшей от жуткого страха и напряжения потной спиной всю конструкцию внутренней обшивки длинного корабельного коридора. Все время, глядя туда, откуда только, что был слышен дикий, тот женский и звериный истеричный сумасшедший смех.

Перелет в Майами из Нью-Йорка был недолгим. И сели мягко. И вот теперь, Виктор ехал домой к своей семье. Правда, придется опять, объясняться, что да как, своей жене Ирине. И дочку успокаивать Ленку. Особенно, после этой трагедии с семьей Джексонов.

- «Там дома, наверное, слезы и траур» - думал, ухмыляясь, он - «Все теперь, думают о похоронах этой гангстерской криминальной в Майами семьи.

Надо было теперь думать о полиции Майами и следствии, которое может быть после смерти Джексона. И его будут, вероятно, таскать по этому поводу.

Но, он открутится, ведь деньги все сделают. Надо сначала успокоить свою семью, и сделать вид, как ни в чем, ни бывало и вид, ни причастности к этому кровавому делу. Точнее, переделу сфер влияния путем ликвидации тех, кто предал его, и подставил. И никакой жалости и, никакой пощады, и сочувствия.

Главное, теперь семья. И надо утрясти эту ревность своей супруги Ирины. Надо с ней поговорить, и все уладить. Теперь, это главное. И Ленка. Главное, моя, Ленка. Я люблю их обоих. И Лаура теперь, далеко и уже, наверное, не встретится больше на его пути. Она уехала, навсегда в Сан-Франциско. И хоть он ее по-прежнему безумно любит, но, придется забыть о ней»;

Машина, снова, куда-то, еще раз свернула. И за ней пристроилась еще одна легковая, похожая на большой джип. Но, Виктор не обратил внимание. Он подумал, что это его Николай со своими, точнее его наемными охранниками молодчиками.

А, на повороте одной одного из четырех перекрестков стояла, сверкая фарами большая фура. Грузеная, видимо, еще для веса, чем-то тяжелым. Она стояла и сверкала яркими фарами на повороте дороги за железнодорожным переездом.

Фура ждала, когда машина Виктора выскочит на тот перекресток дорог.

За рулем человек в черных очках из людей самого Николая и тех, кого Виктор кинул, тогда в той стране, которую, когда-то оставил. Там в том мире, который был только для него, хоть и реалистичным, но все же сном, сном, навязанным ему демоном ночи. Демоном, того перекрестка, у которого стояла та грузенная тяжелая с зажженными яркими фарами фура.

Почему с зажженными фарами, потому, что было уже поздно, и была полночь. И Виктор спешил домой. Да, и время подрастянулось сейчас с этими объездными дорогами. И он начал уже подгонять Федора водителя, чтобы тот выжимал больше газа. И посигналил Николаю, едущему на мерседесе впереди с охраной, чтобы тот прибавил скорость, и еще позвонил ему, что надо быстрее домой. И хочет уже спать.

Тот сказал, ему, что скоро вывернет на центральную дорогу. И поедут они, еще быстрее. - Ладно, идет, Коля - произнес Николаю в телефон Виктор - Давай, жми и ты поднажми Федор.

И тот, качнул головой с переднего сиденья водителя дорогого миллионного лимузина.

- Они покончили с собой! - произнес в ужасе Герда, врываясь в их совместный на двоих любовный кубрик Вик - Я, прибежал к ним в их кубрик и открыл их запертую дверь и там...! Вик сполз по стене каюты, глядя в перепуганное и осунувшееся лицо своей любимой брюнетки красавицы Герды. Та, стояла и смотрела, на тот чертов черный планетоид под их туристической звездной яхтой.

Ее двадцатилетней красавицы чернобровое смугленькое личико, было каким-то, не таким, как раньше. Да, и не могло уже быть другим.

Герда изменилась вся от ужаса и страха после того, как черный этот живой окутанный вращающейся вокруг него, той черной пылью и астероидами планетоид. Догнал "Зенобию" у самого края газопылевого края внутреннего рукава галактики, перед выходом из звездной системы желтого солнца.

Захватил ее в свой цепкий безнадежный на любое спасение плен. Она, Герда не выходила уже совсем из своего с Виком жилого кубрика. Она боялась всего. Любого теперь, шума на корабле, и любого шороха по его обшивке. И сейчас стояла у самого угла окна, она буквально, как напуганная кошка. С взъерошенной черной растрепанной вьющейся волос шевелюрой. Герда смотрела на то, что пугало ее. А то смотрело на нее.

Она обрамленная растрепанной копной своих девичьих черных, как смоль волос по спине плечам и трепещущей от ужаса и страха торчащей возбужденной от растущих диких любовных страстей. С торчащими черными сосками, полной красивой девичьей груди. Она, неотрывно, смотрела, туда в ту бездну под собой и кораблем. Околдованная, тем, кто захватил ее и ее разум. И словно, кто-то уже был в ней.

- Ты, не слышишь меня, Герда! - прокричал, уже громко ей Вик - Они убили себя там в своей каюте. Они мертвы, как и все на этом гребанном корабле кроме двоих нас. Этот корабль станет и нам могилой. Могилой среди этих гребанных горящих смертью звезд! И я, не знаю, что теперь делать!

Вик посмотрел на валяющиеся, на высоком каблуке туфли Герды. И ее черное в стороне, прямо на полу платье. И, прочую разбросанную по всей каюте девичью одежду.

- Как и, я - вдруг, очень ему тихо, произнесла любовница Вика двадцатилетняя Герда. Она была в своем, том, черном коротком, выше колен халатике. И была озарена через оконный корабельный из кварцевого толстого стекла иллюминатор светом яркого желтого солнца. Горящего, своим ярким жарким огнем, через вращающуюся в облаке черную густую пыль. Пыль, поглотившую и теперь саму круизную звездную туристическую яхту

"Зенобию".

- Все? - спросила его Герда.

- Все - произнес, оторопевая от ее нелепого вида, сам до жуткой дрожи, перепуганный. И так преследованием по всему кораблю неведомой кошмарной силой Вик.

Герда засмеялась, как сумасшедшая на всю каюту. И повернулась к Вику. Ее лицо было страстным до дикой любви и безумным. С красивыми вытаращенными черными, как ночь космоса глазами.

- Иди, ко мне, мой, Вик - произнесла она - Иди, ко мне. Мой звездный странник. Мой вечный ненасытный любовник. Я хочу насладиться последний с тобой раз любовью, пред тем, как погибну здесь в этом космическом аду. Вик, мой ненаглядный и, всегда, любимый.

И Вик подошел, закрыв за собой дверь жилого своего с Гердой отсека. Он, подошел к своей любимой и обнял ее. Он был полон дикого безумного теперь отчаяния, и одиночества. И только перепуганная Герда, оставалась и была, теперь с ним на этом брошенном посреди галактики корабле. И никто так вероятно, и не узнает, где они теперь, и никогда уже не найдет их. Может случайно, когда сюда прилетят, какие-нибудь исследователи, но их уже давно здесь не будет. Не будет в живых. Может и "Зенобии" уже не будет. Так куски обшивки. И детали среди этой чертовой черной подвижной, словно, живой пыли и астероидов. Может, ее сотрет саму в пыль эта черная подвижная густая и жесткая, как терка масса. Может, разобьет, какой-нибудь блуждающий астероид. Или все-таки, проглотит этот черный планетоид, и только желтое солнце да еле различимые, из-за черной пыли звезды, будут свидетелями этой кошмарной трагедии. И, по-прежнему, будут сверкать в черном покрывале безграничного ледяного космоса.

Вик схватил Герду на свои руки и, подняв, впереди себя, бросил на постель.

На краю Вселенной

Сброшенная вся одежда двух неистовых в любовных страстях любовников валялась на полу жилого в полумраке кубрика, разбросанная по всей каюте.

Вик стонал, весь мокрый от текущего по его телу скользкого жаркого любовного пота. Герда скакала, как сумасшедшая на его торчащем детородном члене. Он смотрел на нее. На выгнувшееся, на нем голое, такое же мокрое, и скользкое от неистовой бесконтрольной любви девичье сотрясающееся в сексуальной агонии тело. Они оба сегодня, почему-то, доведя себя уже до предельного любовного состояния, все никак не могли кончить. Такого не было никогда. Словно, что-то с ними обоими произошло.

- "Может, это психический стресс" - думал Вик. Ведь они, одни уже остались на круизной этой яхте. И были в отчаянии, подавая сигналы в космос на спасение. Надеюсь, что их спасут. И этот секс, был от отчаяния, скорее. Чем в радость им обоим. И от постоянного страха погибнуть здесь среди звездной пыли и астероидов. И этих планет, возле этого желтого яркого жаркого солнца.